

**УЙГУР ТАТАТУНГ И ПЕРС ШИХАБ АД-ДИН МУХАММАД АН-НАСАВИ,
ЛИЧНЫЕ СЕКРЕТАРИ НЕПРИМИРИМЫХ ВРАГОВ —
«ПОТРЯСАТЕЛЯ ВСЕЛЕННОЙ» ЧИНГИСХАНА И ПОСЛЕДНЕГО
ХОРЕЗМШАХА ДЖАЛАЛ АД-ДИНА МАНКБУРНЫ**

© 2024

А. Ш. Кадырбаев¹

Статья посвящена личным секретарям владык Востока — уйгура Тататунга, основателя монгольской письменности, приближенного Чингисхана, и перса Шихаб ад-Дина Мухаммада ан-Насави, приближенного наиболее непримиримого врага Чингисхана — последнего шаха Хорезма Джалал ад-Дина Манкбурны. Оба сыграли заметную роль в средневековой истории Евразии. Их значимость заключается в том, что они оставили описание важнейших событий, связанные с деятельностью своих правителей.

Ключевые слова: монгольское нашествие, Хорезм, Монгольская империя, уйгур Тататунг, Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, Джалал ад-Дин Манкбурны

Для цитирования: Кадырбаев А. Ш. Уйгур Тататунг и перс Шихад ад-Дин Мухаммад ан-Насави, личные секретари непримиримых врагов — «потрясателя Вселенной» Чингисхана и последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 4. С. 195–201. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-195-201

**YIGHUR TATATUNG AND PERSIAN SHIHAB AD-DIN AN-NASAVI,
PERSONAL SECRETARIES TO IMPLACABLE ENEMIES — GENGIZ KHAN
‘THE WORLD SHAKER’ AND JALAL AD-DIN MANKBURNY, THE LAST SHAH
OF KHWARIZM**

A. Sh. Kadyrbaev

The article discusses the historical roles of the personal secretaries to the famous rulers of the East — Tatatung the Uyghur and Shihab ad-Din Muhammad an-Nasawi the Persian, who served the great Mongol ruler Genghis Khan and the last Shah of Khwarizm, Jalal al-Din Mankburny, respectively. The deeds of both personal secretaries played an important role in the world history during Mongolian conquests in the thirteenth century as recorders of the actions of their powerful patrons. That is why the actions and life of personal secretaries to Gengiz Khan and Jalal ad-Din deserve special attention.

Keywords: Mongolian invasion, Khwarizm, Mongolian Empire, Uighur Tatatung, Shihab ad-Din Muhammad an-Nasavi, Jalal ad-Din Mankburny

---

¹ Кадырбаев Александр Шайдаатович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kadyr_50@mail.ru
Alexander Sh. Kadyrbaev, D. Litt (Hist.), Principal Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; kadyr_50@mail.ru

For citation: Kadyrbaev A. Sh. Yighur Tatatung and Persian Shihab ad-Din an-Nasavi, Personal Secretaries to Implacable Enemies — Gengiz Khan “The World Shaker” and Jalal ad-Din Mankburny, the Last Shah of Khwarizm. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 4. Pp. 195–201. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-4-195-201

Интересна роль людей, ставших личным секретарями Темучина Чингисхана, основателя мировой Монгольской державы, и последнего шаха Хорезма Джалал ад-Дина Манкбурны, самого достойного противника «Потрясателя Вселенной». Звезда карьеры первого личного секретаря Чингисхана уйгура Тататунга взошла в то время, когда в ходе борьбы за власть на степных просторах Центральной Азии, а именно в Монголии, между предводителями наиболее крупных союзов кочевых центральноазиатских племен — улусов — определился победитель в лице Чингисхана, сумевшего консолидировать власть в своих руках и создать Монгольское государство, ставшее фундаментом будущей мировой Монгольской империи, самой большой по своему территориальному охвату в истории человечества. Следует отдать должное Чингисхану: несмотря на то, что он не был грамотным и образованным человеком, тем не менее, кроме природного ума, обладал глубокой внутренней силой, что и позволило ему выйти на первые роли в ходе создания Монгольского государства. Он был не только способным военачальником, но и управленцем на государственно-административном поприще, сумевшим сплотить ранее разрозненную кочевую вольницу силами созданной им так называемой военно-административной системы управления кочевым обществом, нацеленной на создание великой империи путем завоевательных походов, что ему одному без команды единомышленников и соратников было бы невозможно осуществить. Среди его ближайших соратников можно было видеть людей самого различного этнического и конфессионального происхождения, причем не только представителей кочевых племен и народов, но и выходцев из оседлых обществ, даже тех, кто еще вчера служил его врагам [Allsen, 1976, p. 8–10].

Одним из таких людей и был уйгур Тататунг, по-китайски Та-та-тун-а, личный секретарь Чингисхана, жизнеописание которого приводится в разделе «Лечжуань» — биографии в «Юань-ши» («Истории [монгольской династии] Юань», которая стала первым по времени источником, где сообщается о заимствовании монголами уйгурской письменности. Сведения, содержащиеся в монгольских летописях по этому поводу, также прямо или косвенно восходят к «Юань-ши». Текст «Юань-ши» гласит: «Та-та-тун-а — вэйур (уйгур. — *А.К.*). Он был умным и мыслящим человеком, был искусен в своем владении словом. Он глубоко изучил письменность своей страны. Правитель найманов Даян-кехань (Даян-каган. — *А.К.*) из-за его учености уважал его и по этой причине велел ему распоряжаться золотой печатью (его улуса) и цянью гу — деньгами и хлебом, т. е. взиманием податей. Используя золотую печать, Та-та-тун-а контролировал дела (в улусе). Когда Тайцзу (Чингисхан. — *А.К.*) разгромил найманов и их государство погибло, Та-та-тун-а забрал печать и бежал. Вскоре он был задержан (монголами). Тайцзу при разговоре с ним сказал: „Подданные и земли Даян-кеханя все теперь мне принадлежат. Ты куда и зачем забрал печать?“ Та-та-тун-а ответил: „Хранение печати — это было моим долгом как слуги (Даян-кеханя). Я хотел сохранить ее (даже ценой своей жизни), я не мог сделать по-другому и намеревался вернуть ее прежнему владельцу“. Тайцзу сказал о нем: „Он преданный и воспитанный человек!“ И еще задал вопрос, с какой целью использовалась данная печать. Ответ был таков: „Ее использование служило подтверждением (подлинности ханского указа), когда собирали налоги и назначали людей на должности“. Император оценил это и распорядился сделать Та-та-тун-а членом своей свиты. Затем в любой ситуации, когда издавались высочайшие повеления императора, стала использоваться печать. А Та-та-тун-а,

согласно распоряжению императора, как и прежде, был ответственным за нее. Как-то император спросил его: „Каков твой уровень знания письменности своей страны?“ Та-та-тун-а ответил и рассказал все, что знал. Его ответ понравился государю, и он распорядился, чтобы „(Та-та-тун-а) обучал наследника трона и детей монгольской знати писать на своем (монгольском) языке, используя уйгурское письмо“. Когда Тайцзун (Угэдэй-хан, сын Чингисхана. — *А.К.*) вступил на трон, был приказ пожаловать ему (Та-та-тун-а) в императорском дворце драгоценный камень, золото, одежду за то, что возглавлял охрану государей. Отдельно наградили пайцзой (символом государственной власти и полномочий. — *А.К.*) его жену (т. е. Та-та-тун-а) Ухэли (Огуллик. — *А.К.*), бывшую молочной матерью наследника трона Халачаэра (Карачара. — *А.К.*). В это время ему (Та-та-тун-а) постоянно дарили подарки. Та-та-тун-а пригласил всех своих сыновей и сказал: „Ваша мать за то, что кормила грудью наследника трона, всегда получает драгоценные подарки. Вы и другие при получении подарков как должны реагировать? Подарки в первую очередь получают принцы (т. е. члены семьи Чингисхана. — *А.К.*). А после этого вы можете получать“. Император (Угэдэй-хан. — *А.К.*) услышал эти слова и в его присутствии сказал: „Мной данные подарки, в первую очередь, предоставляются принцам. А во сколько можно оценить честность человека, исходя из такого понимания?“ Впоследствии Та-та-тун-а постоянно выражалось уважение. Он умер от болезни. На 3 году Чжи-Да (...) был пожалован титулом да-фу — сановника и вдогонку стал „яньмынь-цзюнь-гуном“ — „благородным князем“. У него было четверо сыновей. Старшего звали Юхумиши. Следующего звали Лихунмиши, третьего сына звали Сулохай (Соргай), четвертого — Тумань. Юхумиши был достойным и доблестным. Юхумиши во время бунта Хуньдухая с войсками сына Харачаэра, которого звали Токта, участвовал в подавлении этого мятежа. Погиб в бою. Лихунмиши был физически сильным человеком... Когда (Лихунмиши) вернулся, император позвал (его) предстать пред ним... Наградил его золотом и приказал быть готовым служить в охранной гвардии. Сулохай наследовал должность своего отца. Как и раньше было ему приказано... служить хуан-тайцзы — наследнику трона Харачаэру. Шицзу (Хубилай-хан, внук Чингисхана. — *А.К.*) вступил на трон. Вызвал предстать перед ним их мать. Приказал объединить охранную гвардию. Высочайшим указом послал (сыновей Та-та-тун-а) в Ляодун. (Сулохай) умер. Был пожалован титулом „яньмынь-цзюнь-гуном“ — „благородным князем“. Его сын Абишихэ (Абишка) стал пинчжан-чжэнши (комиссаром по умиротворению. — *А.К.*) в походном управлении Шаньси» [«Юань-ши», 1958, цзюань 124, с. (1446)27398–27399(1447)].

Как видно из жизнеописания Тататунга в «Юань-ши», он был личным секретарем правителя улуса найманов Даян-хана, врага Чингисхана, где отвечал за функционирование его государственной канцелярии. Причем был предан своему найманскому сюзерену до конца, и это было должным образом оценено его новым покровителем в лице Чингисхана, поскольку преданность своему повелителю была тем качеством человека, которое монгольский владыка высоко ценил даже у своих противников. Поэтому неудивительно, что он обрел в Тататунге верного слугу, ставшего его личным секретарем. Также Чингисхан оценил полезность Тататунга в своем строительстве монгольского государства еще на раннем этапе его развития, когда с расширением его владений и увеличением числа подданных нужен стал государственный аппарат с канцелярией, и роль письменности для управления государством являлась необходимым условием для его успешного функционирования, как можно видеть из текста приведенной выше биографии Тататунга [Кара, 1972, с. 24].

Интересно отметить, что Чингисханом была заложена традиция, когда личными секретарями монгольских великих ханов и их наследников трона, а также молодой монгольской знати и членов семьи Чингисхана в Монгольской империи назначались уйгуры. К тому же прерогатива быть учителями и наставниками монгольской знати предоставлялась образованным уйгурам, что было подтверждено в 1271 году официальным указом внука Чингисхана Хубилай-хана, монгольского

великого хана и императора Юаньской империи — монгольского государства, в состав которого после распада единой Монгольской державы вошли Китай, Монголия, Тибет, Корея, Маньчжурия и Восточный Туркестан.

Таким образом, Чингисхан заложил традицию, когда уйгуры, первым из которых был Тататунг, являлись как бы культуртрегерами в Монгольской империи и в государствах, образовавшихся на ее руинах после ее распада — Чагатайском Улусе, Улусе Джучи (Золотой Орде), Улусе ильханов Хулагуидов и в империи Юань — монгольском государстве в Восточной Азии. Здесь важно отметить, что личный секретарь «Потрясателя Вселенной» уйгур Тататунг стал основоположником письменности для монгольского языка. Именно на ней этот язык функционировал не только в эпоху монгольских завоеваний и монгольского владычества в Евразии в XIII–XIV в., но и в последующие столетия вплоть до 20-х годов XX в. Т.е. уйгурская письменность, внедренная Тататунгом, обслуживала весь монголоязычный мир в течение семи веков, хотя и в реформированном виде. Таким образом, Тататунг стоял у колыбели письменности монгольских народов, когда уйгурское письмо служило монгольскому языку гибким инструментом закрепления самых разных образцов письменных памятников — от судебных записей Шики-Хутухту-нойона, приемного сына Чингисхана, до стихотворений современного монгольского поэта Д. Нацагдоржа, от не дошедшей до нас средневековой монгольской «Алтан дэптер» («Золотой книги») до новых книг Монголии 30-х годов XX в. [Там же, с. 51]. Тататунг предоставил Чингисхану важный инструмент государственной организации, и благодаря прежде всего его деятельности средневековая уйгурская письменность в империи Чингисхана, вероятно, была прочно введена в государственный оборот уже к началу великих монгольских завоеваний XIII в., свидетельством чего являются обращения монгольских владык к воевавшим с ними правителям других государств [Там же, с. 18].

Под стать Тататунгу был личный секретарь последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, самого непримиримого и достойного врага «Потрясателя Вселенной», перс, выходец из Хорасана Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, с 1224 г. назначенный *катиб ал-инша* — личным секретарем хорезмшаха и занимавший этот пост вплоть до смерти своего повелителя в 1231 г. в горах Курдистана. Хотя эту должность ан-Насави принял, по его словам, неохотно, поскольку был смущен тем, «что эта должность с непрерывно поступающими доходами», и данное обстоятельство характеризует его нравственный и моральный облик. Судя по обязанностям, которые выполнял ан-Насави, он происходил из потомственной чиновничьей семьи, из среды служилой знати государства Хорезмшахов и был близок с рядом видных представителей правящей верхушки. Перед тем, как стать личным секретарем хорезмшаха, ан-Насави с 1219 г. сражается с монгольскими завоевателями, сначала в Хорасане, а затем поступает на службу к Джалал ад-Дину, в 1224 г. возвратившемуся в Хорезм из похода в Индию. Став личным секретарем Джалал ад-Дина, он попадает в центр бурных военных и политических событий, когда государство шахов Хорезма стояло на краю гибели под натиском монгольских войск Чингисхана. Ан-Насави сопровождает своего повелителя в походах на монголов, составляет грамоты и дипломатические документы, тем более что владеет арабским и фарси, выполняет наиболее ответственные поручения хорезмшаха как чрезвычайный посол. Несколько раз ан-Насави бывал и в ставке монголов, где на дипломатическом поприще добился весомых результатов в переговорах с ними. Его деятельность получила высокую оценку Джалал ад-Дина. То, как относился Джалал ад-Дин к ан-Насави, и та степень доверия, которое он ему оказывал, наглядно видны из случая, когда ан-Насави назначили заместником в городе Насы с условием, что он останется при хорезмшахе, а управление городом и округой возложит на своего *наиба*. Свидетельством культурного уровня ан-Насави, помимо знания языков, являлось и то обстоятельство, что он изучил начала традиционных наук и был знаком с диванами многих арабских и персидских

поэтов. Сочинение ан-Насави пестрит именами арабских и персидских поэтов, а сам он охотно цитирует их произведения.

Ан-Насави являлся убежденным врагом монгольских завоевателей и сознавал необходимость борьбы с ними, к тому же ему были чужды мысли об их непобедимости. Еще находясь в крепости Хурандиз в Хорасане, в своем родовом имении, когда готовился к обороне крепости от монголов, он выпроводил из своих владений чрезмерно пугливого хорезмийского вельможу Низам-ад-Дина ас-Самани. «Я сделал это с неодобрением скрытым, даже явным, — писал позднее ан-Насави, — и удивился трусости, в которую впали столпы и вельможи державы» [Шихаб ад-дин ан-Насави, 1973, с. 103]. Для ан-Насави его патрон, султан Джалал-ад-Дин Манкбурны, — опора ислама в борьбе с «неверными» монголами и олицетворение мощи государства Хорезмшахов, хотя факты и события, излагаемые ан-Насави, свидетельствуют о том, что султан и его приближенные действовали, в сущности, теми же методами, что и противная им сторона. Однако следует отдать ан-Насави должное как летописцу: он в отличие от большинства мусульманских авторов эпохи монгольских завоеваний, например, Ибн-ал-Асира, свободен от идеализации своего повелителя и не особенно возвеличивает (меньше, чем можно было бы ожидать) миссию Джалал-ад-Дина как противника Чингисхана [Буниятов, 1963, с. 143–145].

Но перипетии войны разлучили хорезмшаха со своим личным секретарем за два месяца до гибели Джалал ад-Дина Манкбурны в горах Курдистана. Спустя 10 лет после этого Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, уже находясь в сирийском городе Халебе (Алеппо), приступил к составлению «Жизнеописания султана Джалал ад-Дина Манкбурны», которое успел завершить до своей смерти в 1249 г. Этот исторический труд и поныне является бесценным историческим источником по истории народов Центральной Азии, Ирана, Афганистана, Азербайджана, Месопотамии, Сирии, Малой Азии [Шихаб ад-Дин ан-Насави, 1973, с. 16–20].

Первым на сочинение ан-Насави обратил внимание французский ученый Д'Оссон, автор известной четырехтомной «Истории монголов», который пишет, отмечая важность излагаемого ан-Насави материала, что он «подробно рассказывает о том, что видел сам или что происходило в его время в Персии ... Написанный им труд содержит массу интересных данных ...» По мнению французского ученого, труд ан-Насави внушает большее доверие, чем, скажем, сочинение персидского историка Джувеини, которое подверглось редакции в угоду «изысканному слуху» его повелителя [D'Ohsson, 1852, р. XII–XVI]. Интересна рецензия на труд ан-Насави востоковеда В. В. Розена, подчеркнувшего, что сочинение ан-Насави «есть настоящий первоисточник для того небольшого, но важного по событиям периода, который оно обнимает», где ан-Насави «рассказывает о современных ему событиях или как очевидец и деятель, принимавший выдающееся участие во многих из них, или же со слов очевидцев. Это придает его рассказам особое значение и особый интерес ... а для данной эпохи Мухаммед Несавий (ан-Насави. — *А.К.*) даже единственный в своем роде» [Розен, 1892, с. 383]. Академик РАН В. В. Бартольд считал сочинение ан-Насави одним из трех основных источников по истории монгольского нашествия в целом (наряду с Ибн-ал-Асиром и Джувеини) [Juvaini Ata-Malik, 1997]. Он подверг сведения, приводимые ан-Насави, строгому критическому анализу и уточнил хронологию событий. Труд ан-Насави стал для исследований В. В. Бартольда источником ценнейших сведений [Бартольд, 1963, с. 86, 460–530]. Американский ученый Клод Каэн в своих работах подчеркивает, что история последних дней государства Хорезмшахов более известна, чем его ранняя история, и этим мы обязаны талантливому рассказчику в лице ан-Насави — личного секретаря последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны [Cahen, 1962, р. 672].

Это «Жизнеописание» — едва ли не единственное сочинение по истории Центральной Азии, стран Кавказа, прилегающих к ним областей Персии и Афганистана в эпоху нашествия

Чингисхана, вышедшее из-под пера противника монгольских завоевателей. К тому же это сочинение в большей своей части основано на личных воспоминаниях ан-Насави как очевидца и участника происходивших событий. Причем для тех из них, что имели место в 1225–1231 годах, свидетельства ан-Насави являются наиболее авторитетными, поскольку он находился в их центре и располагал разнообразной информацией. Лишь в отдельных случаях, когда ан-Насави внимал слухам, распространенным в его окружении, его сведения отражают обобщенную официальную версию, взгляд на которую формировался в канцелярии последнего шаха Хорезма. Но таких сообщений у ан-Насави немного, и, как показывают приведенные выше отзывы, достоверность сообщений ан-Насави следует оценивать весьма высоко. Ан-Насави связывали не только официальные, но и теплые личные отношения со своим повелителем, когда он не терпел какого-либо покушения на авторитет своего патрона, о чем свидетельствует его неудовольствие относительно поведения хорезмийского вельможи Шарафа ал-Мулька, который посмел во время приема послов султана ар-Рума Алад-Дина Кейкубада говорить о нуждах Джалал ад-Дина и о том, что тот после смерти своего отца не владел ничем, кроме своего меча [Шихаб ад-Дин ан-Насави, 1973, с. 203].

Тататунг и Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, казалось бы, находились «по разные стороны баррикад», поскольку правители, коим они служили не «за страх, а за совесть, не щадя живота своего», были друг с другом в непримиримой вражде, тем не менее при сопоставлении этих, без сомнения, выдающихся личностей и ученых зримо выходит на первый план то, что их роднит. В средние века на Востоке — как мусульманском, так и немусульманском традиционная историография отводила первую роль монархам — великим ханам, падишахам, и соответственно история понималась прежде всего как арена деятельности исключительно государей — коронованных особ. Тем не менее очевидно, что место правителей в историческом процессе зачастую обусловлено деятельностью личных секретарей, каковыми и были наши герои Тататунг и Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, которые на страницах исторических трудов запечатлели для истории их деяния. Но главное состоит в том, что личные секретари восточных владык сохранили для потомков память об историческом прошлом во всем его многообразии — как трагедии, так и успехи и достижения.

Литература / References

Бартольд В. В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения*. Т. 1. М., 1963 [Bartold V. V. *Turkestan during Mongol invasion.-Compositions*. Vol. I. Moscow, 1963 (in Russian)].

Буниятов З. М. О критическом издании «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» Шихаб ад-Дина Мухаммада ан Насави. *Известия АН Азербайджанской ССР, серия общественных наук*. 1963. № 5. С. 149–160.

Кара Д. *Книги монгольских кочевников*. М., 1972 [Kara D. *The Books of Mongolian Nomads*. Moscow, 1972 (in Russian)].

Кара Д. Уйгуро-монгольские литературные связи. *Литературные связи Монголии*. М., 1981 [Kara D. Uighur-Mongolian literary connections. *Literary connections of Mongolia*. М., 1981 (in Russian)].

Розен В. *Рецензия на: Histoire du Sultan Djelal ed-Din Mankoberti, prince du Kharezm par Mohammed en-Nasawi. Texte arabe. Записки Восточного отдела Императорского Русского археологического общества*. Том VI. СПб., 1892. С. 383–383.

Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. *Жизнеописание султана Джалалал ад-Дина Манхбурны*. Перевод с арабского, предисловие, комментарии, примечания и указатели З. М. Буниятова. Баку, 1973 [Shihab ad-Din an-Nasavi. *The Description of Life of Djalal ad-Din Manrburni*. Translation from Arabian by Z. M. Bunyatov. Baku, 1973 (in Russian)].

«Юань-ши» (История династии Юань). *Серия Соинь-бонабэнь, эр-ши-сы-ши (24 династийные истории)*. Пекин–Шанхай, 1958 [Yuan-shih. *The History of dynasty Yuan, -seria Soyin- bonaben, er-shih-si-shih (24 dynastic histories)*. Peking–Shanghai, 1958 (in Chinese)].

Allsen T. *The Mongol Grand Qans and the Uighurs of Turfan in the 13th Century. Paper presented to Conference of Multistite Relations in East Asia. 10–13 centuries*. Philadelphia, 1976.

Cahen C. *The Turks in Iran and Anatolia before the Mongol invasion. A History of Crusades*. Vol. VII. Philadelphia, 1962.

D'Ohsson. *Histoire de Mongols depuis Tchingiz-Khan jusqu'à Timour-bey ou Tamerlan*. T. I. Amsterdam, 1892.

Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Transl. of the Text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, Introduction and Bibliography by D.J.O. Morgan. Manchester, 1997.